

Кондратьева Ольга Николаевна

канд. филол. наук

доцент Кемеровского государственного университета

РАССУЖДЕНИЯ О СУДЬБЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В конце XX – начале XXI вновь особую актуальность приобретает вопрос о судьбе церковнославянского языка, его роли в жизни современной России. Открытие храмов, возрастающее внимание к основам православия привели к всплеску интереса к этому уникальному и неоспоримому наследию великой христианской Руси. После длительного перерыва начался процесс переиздания классических работ, посвященных церковнославянскому языку, разрабатываются новые учебники.

Тем не менее, возвращение церковнославянского языка в сферу привычного его употребления происходит достаточно медленно и сопровождается многочисленными спорами о необходимости данного процесса. Существует тенденция к упрощению, облегчению для восприятия текстов религиозной тематики, тенденция к переводу текстов в молитвенниках на русский язык, к чтению исключительно русского текста Библии, а не ее церковнославянского варианта. А иногда речь иногда заходит и о замене церковнославянского языка русским в процессе богослужения. Таким образом, намечается тенденция постепенного вытеснения церковнославянского языка русским в конфессиональной сфере.

Только совместные усилия священнослужителей и философов, лингвистов и литературоведов, культурологов и всех, кому небезразлична судьба русской культуры, способны восстановить прерванную связь с прошлым, с богатейшей духовной традицией и вернуть церковнославянскому языку ту выдающуюся роль, которую он играл ранее, восстановить сочетание «двух близких друг другу языков (церковнославянского и русского. – *О. К.*), которые исторически постоянно соприкасались в летописях, в посланиях Церкви и патриархов,

в обращении к народу патриархов и других иерархов Церкви, в проповедях, число которых в Церкви должно постоянно расти» [Лихачев 1999: 279].

Данная работа представляет собой обзор высказываний священнослужителей и ученых различных областей знания о церковнославянском языке, его роли в богослужебной практике, языковой культуре русской нации и в славянской культуре в целом. И начать данный обзор целесообразно с краткого экскурса в историю этого во многом уникального языка.

Во многом церковнославянский язык своим возникновением обязан просветительской деятельности первоучителей Кирилла и Мефодия, которые в процессе перевода греческих богослужебных книг создали славянскую письменность и приобщили славянские народы к христианской вере. Согласно «Житию св. Кирилла», Бог дал Кириллу славянские книги, чтобы «славяне были причислены к великим народам, которые славили Бога на своем языке». Церковнославянский язык – это единственный в своем роде язык, созданный специально для славословия Божьего. Знаменательно, что с момента своего возникновения этот язык не был показателем национальной принадлежности, а объединял всех славян.

Историками языка было отмечено, что существует общая закономерность в развитии литературных языков в период средневековья – употребление в качестве письменно-литературного не своего, а чужого языка, который является языком государственной религии: книжная латынь в Европе, арабский в восточных монархиях, принявших ислам. Церковнославянский же язык, будучи по происхождению южнославянским, никогда не воспринимался как совершенно чуждый язык, а считался «высокой» разновидностью родного языка, связанной с христианской культурой и используемой вне сферы бытового общения. Этому обстоятельству в немалой степени способствовало наличие у церковнославянского и русского языков общей основы – праславянской.

Средневековая культура имела религиозный характер, поэтому церковнославянский язык, возникший как язык богослужения, довольно быстро расширил сферу своего применения и стал «языком *всей культуры в целом*» [Живов 1993: 31]. Г. А. Хабургаев отмечает, что «язык культа, неизбежно

приобретавший функцию общего языка культуры, оказывался в этих условиях необходимым объединяющим фактором, а, следовательно, и условием культурного прогресса, стоявшим над диалектной раздробленностью языка повседневного общения» [Хабургаев 1994: 15]. На церковнославянский язык переведены труды греческих и латинских богословов, византийские исторические и научные сочинения; на нем создавались оригинальные произведения: жития святых, слова, проповеди, летописи.

Церковнославянский язык оказал значительное влияние на развитие русского национального литературного языка и на формирование «русского мирозерцания и национального сознания, особого русского характера, специфических этносных черт нашего народа, его богатой и неповторимой духовности» [Шанский 1994: 41].

Таким образом, уже на раннем этапе развития церковнославянский язык функционировал как язык сакральный и культурный, объединяющий всех славян. В течение многих веков церковнославянский и русский, видоизменяясь и эволюционируя, сосуществовали в гармонии, выполняя каждый свои функции. Вместе они создавали «полноту отечественного языка, необходимую объемность картины бытия, целостность мировосприятия, которая всегда отличала православное сознание от европейского рассудка», европейской разрозненности [Асмус 1999].

Языковая ситуация кардинальным образом изменилась после революции 1917 года. Именно с этого времени церковнославянский язык впервые перестает изучаться в школе, происходит реформа орфографии. Выросли целые поколения, не знающие церковнославянского языка. В результате произошло изменение иерархии языковых ценностей. Все, что ранее «гнездилося в языковом подполье и боялось выйти в свет, теперь нагло лезет в глаза и уши: нет священного и нечего более стыдиться» [Камчатнов 1999: 230].

Церковнославянский язык впервые с момента своего возникновения начинает восприниматься как непонятный, узкокультовый, чужой. Жаргон, сленг, брань стремятся стать нормой языкового употребления. На русский язык

обрушивается лавина зачастую лишних, неоправданных заимствований из английского языка, сопротивляться проникновению которых становится все сложнее и сложнее. А ведь еще М. В. Ломоносов в своем знаменитом «Предисловии о пользе книг церковных» (1757) указал, что «старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова и нелепости, входящие к нам из других языков. <...> оные неприличности ныне небрежением книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и упадку преклоняют. Сие все указанным способом пресечется». Но слова великого ученого оказались незаслуженно забытыми.

Под влиянием всех этих явлений русский литературный язык, некогда великий и могучий, превращается в «убогий совковый новояз» (А. Камчатнов), в «уголовно-чиновничье-канцелярско-американизированный жаргон» (Н. П. Саблина). Периодически предпринимаются попытки бороться с огромным потоком языковой грязи, но, в основном, безрезультатно, так как, по образному выражению А. Камчатнова, «ветвь, отсеченная от лозы (ветвь – русский язык, лоза – церковнославянский. – *О.К.*) хиреет и дичает» [Камчатнов 1999: 230]. Церковнославянский язык способен оказать положительное влияние на славянские языки, вернуть им былое достоинство и красоту, сохранить духовную и национальную идентичность. Церковнославянский язык, вытесненный из общественного языкового сознания, сохранился лишь в лоне Церкви. Но и здесь уже достаточно давно существуют идеи реформирования церковнославянского языка и даже замены его в процессе богослужения русским языком. Церковнославянский язык лишается своего последнего прибежища – Храма.

Первые попытки ввести богослужение на русском языке были предприняты еще до революции, продолжают они и в наши дни. Доводы реформаторов можно свести к трем основным положениям: 1) церковнославянский язык устарел и непонятен верующим; 2) молиться Богу можно на любом языке; 3) следует перейти в богослужении на всем понятный язык, для

чего необходимо перевести богослужебные тексты на русский язык. Но обновленцы не сознают, что в результате подобной реформы будет окончательно разрушена граница между божественным и человеческим, сакральным и профанным, культурным и бытовым.

Среди тех, кто активно отстаивает богослужение на церковнославянском языке, – Д. С. Лихачев, А. М. Камчатнов, прот. В. Асмус, архим. Софроний, прот. В. Свенцицкий и многие другие. Обобщим и систематизируем их аргументы.

1. Как отмечает Д. С. Лихачев, «непонятность» богослужения заключается не только в языке. По-настоящему богослужение непонятно лишь для тех, кто не знаком с основами православия [Лихачев 1999: 276]. Именно учение церкви должен изучить человек, желающий найти путь к Богу.

2. Церковнославянский язык не так далек от русского, как это представляется обновленцами. Оба эти языка являются генетически родственными, кроме того, русский язык освоил (то есть сделал своим) огромное число «самых разнообразных церковнославянизмов, несущих с собой веру и истину, свободу и верность, любовь к Родине и ближнему, любимому и честному труду» [Шанский 1994: 40]. Многие славянизмы вошли в лексическую систему русского языка и стали частью общеупотребительного словарного состава, некоторые функционируют в качестве единиц с «высокой» стилистической окраской, тем не менее, они понятны всем носителям языка (например, *длань, вран, кормчий, ночь*).

По наблюдениям лингвистов, современный греческий язык в большей степени отличается от древнегреческого, чем русский от церковнославянского, но Элладская Церковь не переводит богослужебные книги на современный греческий язык и новые службы составляются на безупречном греческом языке.

3. Необходимость изучать церковнославянский язык вызывает протест обновленцев, стремящихся к «доступности» богослужения. Однако церковнославянский язык традиционно, с момента своего возникновения, был предметом целенаправленного обучения. В монографии Б. А. Успенского «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)», в главе,

посвященной крещению Руси, говорится, что «задачи христианского просвещения обуславливают появление школ, и отсюда церковнославянский язык становится языком, которому формально обучают, в то же время нет никаких данных, указывающих на какое-либо обучение русскому языку» [Успенский 1994: 9].

4. Когда человек пытается проникнуть в смысл богослужения, «он, может быть, впервые совершает духовную работу. Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель – Церкви», – пишет Д. С. Лихачев [Лихачев 1999: 27]. Славянские просветители Кирилл и Мефодий также проповедовали не легкость и доступность веры, а перерождение язычников при помощи божественного слова. А это никогда не бывает легко и просто. Постижение истины всегда сопряжено с огромным духовным трудом, напряжением человеческой мысли.

Как справедливо отмечает архим. Софроний, каждый человек затрачивает значительные усилия для усвоения «сложных терминологий различных областей научного или технического знания, политических, юридических и социальных наук, языка философского и поэтического» [Софроний 1992: 275]. Почему же Церковь должна лишиться языка, освященного тысячелетним употреблением, необходимого для выражения высших форм богословия и духовного опыта?

5. Употребление обыденного языка при совершении церковных служб будет вызывать в сознании присутствующих ассоциации физического, земного существования. Так, уже почти двести лет назад А. С. Шишков писал: «Когда я слышу: «Се Жених грядет в полунощи» – то я вижу Господа и Спасителя нашего Иисуса; когда я слышу: «Вон жених идет в полночь» – то я никакого Христа тут не вижу». Мысль человеческая от мирского языка богослужения еще более переносится в сферу мирских забот и проблем.

6. Противники церковнославянского языка, как это ни парадоксально, часто ссылаются на первоучителей Кирилла и Мефодия: когда Кирилл и Мефодий переводили, они, мол, переводили не на какой-то древний и освященный язык, а на язык совершенно некультурный, можно сказать, варварский.

Но просветители славянские Кирилл и Мефодий переводили не на разговорный язык. Они создали абсолютно новый литературный язык для передачи греческого Священного Писания и богослужения. Служители Церкви убеждены, что, отказываясь во имя русского от церковнославянского языка, мы уподобляемся самонадеянным дилетантам, пробуящим самозванно, а не по велению духа, по мелкочеловеческим мотивам повторить подвиг Кирилла и Мефодия и их последователей.

7. Обновленцы полагают, что с переводом богослужения на национальные языки Церковь станет более демократичной, более близкой к национальной культуре. Но, скорее всего, как и предполагает Д. С. Лихачев, «Церковь в таком случае станет не только более национальной, но и националистической» [Лихачев 1999: 277]. Славянам всегда была свойственна соборность. Единство богослужения объединяло православных славян, живущих на разных территориях, объединяло разные поколения. Исчезновение общего языка молитвы и культуры приведет к еще большему разобщению, утрате родственных связей между славянами.

8. При переводе богослужение не станет более понятным, а «существующая традиция прервется» [Лихачев 1999: 277]. «Исторически <...> сложилось, что в Русской Православной Церкви и русской культуре преемником божественных энергий и средой богообщения стал славянский язык», – констатирует А. Камчатнов [Камчатнов 1999: 229]. Церковнославянский язык является «намоленным» языком, это словесная икона славянских народов.

9. Непонятность отдельных слов не мешает восприятию церковнославянского текста, если человек обладает верой, восприимчив к слову Божьему и искренне желает постичь его. Прот. В. Свенцицкий справедливо утверждал, что «в вопросах веры не так важен рассудок, как вся совокупность душевных сил, уразумляющих эти истины. Так и в молитве важен не дословный перевод и знание каждого слова, а полнота и совершенство языковой формы, вмещающей в себя духовный опыт предшествующих поколений» [цит. по: Богослужебный 1999: 222].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что представители разных эпох и наук – богословы, философы, лингвисты, литературоведы, классики русской литературы – единодушны в своих оценках роли церковнославянского языка в русской культуре. Необходимо сохранять церковнославянский язык в богослужении, а также способствовать тому, чтобы как можно большее количество людей освоило данный язык. Сейчас, когда мы находимся в ситуации «культурной нищеты» (Д. С. Лихачев), церковнославянский язык, «экологически чистый» источник (Д. Названов), способен помочь духовному возрождению русской нации. Отказ от языка, на котором создавали свои произведения митрополит Илларион, Кирилл Туровский, Епифаний Премудрый, Нил Сорский, Максим Грек, от языка, который прекрасно знали и использовали в своих произведениях М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и другие классики русской литературы, чреват утратой национальной идентичности и может привести к дальнейшему падению культуры в России. Церковнославянский язык – это историческая память русской культуры, постоянный источник для более глубокого понимания нашего родного языка.

Литература

1. Асмус В. О церковнославянском языке // Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 223–226.
2. Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999.
3. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978.
4. Живов В. М. О церковнославянском языке // Русская словесность. – 1993. – № 2. – С. 31–36.
5. Камчатнов А. Сакральный славянский язык в церкви и в культуре // Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 227–232.

6. Лихачев Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 276–279.
7. Названов Д. Почему нельзя служить Богу на языке мира сего? // Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 280–307.
8. Саблина Н. П. Церковнославянский язык в XX веке // Москва. – 1994. – № 9. – С. 198–199.
9. Софроний (Сахаров), архим. Литургический язык // Богослужебный язык русской Церкви. История. Попытки реформации. – Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 274–275.
10. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв). – М.: Гнозис, 1994.
11. Хабургаев Г. А. Старославянский – церковнославянский как язык средневековой славянской культуры // Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. – М.: МГУ, 1994.
12. Шанский Н. М. Роль старославянского языка в развитии русского литературного языка // Русский язык в школе. – 1994. – № 4. – С. 40–45.